

Роберт Ирвин Говард

Мертвые помнят

Роберт Ирвин Говард МЕРТВЫЕ ПОМНЯТ

OCR GRAY OWL

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154156

Роберт Говард. Проклятие океана: Северо-Запад; Минск; 1998

ISBN 5-7906-0051-4

Оригинал: RobertHoward, "The Dead Remember"

Перевод:

Г. Подосокорская

Роберт Говард

Мертвые помнят

* * *

Додж Сити, Канзас 3 ноября 1877 г.

Мистеру Уильяму Л. Гордону Антиохия, Техас

Дорогой Билл! Пишу тебе, потому что предчувствую: ненадолго я задержусь на этом свете. Ты, наверное, удивишься, ведь последний раз, когда мы встречались – когда я привел стадо, – ты меня видел в добром здравии. Смеею заверить, с того дня я не заболел, но если б ты взглянул на меня сейчас, сам бы сказал: краше в гроб кладут.

Однако прежде, чем я поведаю о своей беде, хочу, чтобы ты узнал, как мы добрались до Додж-Сити. Мы пригнали огромное стадо – три тысячи четыреста голов, и мистер Р. Дж. Блэйн уплатил нашему старшему пастуху Джону Элстону по двадцать долларов за голову. Все бы хорошо, да один из наших, ковбой по имени Джо Ричардс, не дожил до этого дня, его забодал молодой бычок, когда мы пересекали канадскую границу. У него осталась сестра, ее зовут миссис Дик Уестфолл, она живет возле Сегина, и я бы хотел, чтобы ты съездил к ней и рассказал о брате. Джон Элстон хочет послать ей седло, уздечку, ружье и деньги бедолаги Джо.

А вот теперь, Билл, я попробую объяснить, откуда у меня появилось странное подозрение, что я не жилец на этом свете. Помнишь, вскоре после того, как я отправился со стадом в Канзас, обнаружилось, что старый Джоэл, который когда-то служил у полковника, и его жена погибли. Они жили возле дубовой рощи на берегу бухты Завалло. Женщину звали Изабель, и поговаривали, что она ведьма. Она была квартеронка и намного моложе Джоэла; многие белые ее побаивались, потому что она промышляла колдовством, но тогда я в это не верил.

Ну так вот, гнали мы стадо и оказались возле бухты Завалло как раз перед закатом, и я понял, что мой конь устал, а сам я голоден как волк, да и вообще, не мешало бы передохнуть. Я заглянул к Джоэлу и спросил у его жены, не найдется ли чего-нибудь перекусить. Хижина стояла в дубовой роще, Джоэлу не пришлось далеко ходить за хворостом, и Изабель зажарила мясо на жаровне. Почему-то мне запомнилось, что она была одета в красное с зеленым платье. Странно, но я до сих пор не могу этого забыть.

Они накрыли стол, и я с жадностью набросился на еду, а потом Джоэл принес бутылку текилы, и мы с ним выпили и поболтали о том о сем. Он спросил, не играю ли я в кости. Я ответил, что нет, но он меня уговорил сыграть партию-другую.

Так мы скоротали вечер, а потом я собрался уходить, но тут вдруг Джоэл потребовал деньги за харчи и выпивку. А у

меня и было-то пять долларов семьдесят пять центов, и все до последней монетки я ему же и продул в кости. Я разозлился и сказал, что знать его больше не желаю, а нализаться смогу и в другом месте. Тут он хватает бутылку и заявляет, что я один ее вылакал, и смотрит на меня так, будто я ему задолжал миллион. Я усмехнулся и велел нести еще текилы, а он заупрямился и ответил, что лавочка закрыта. Это меня еще больше разозлило, я даже кулаком погрозил, потому что был уже изрядно во хмелю. Изабель стала упрашивать, чтобы я уехал, но я ей подмигнул и доходчиво объяснил, что-де я свободный белый человек, и мне уже стукнуло двадцать один, и я не из тех, кто упускает возможность маленько пощекотать хорошенькую молодую смуглянку.

Джоэла это задело за живое. Он шарахнул кулаком по столу и завопил, что текилы у него хоть залейся, но я не получу больше ни капли, даже если буду подыхать от жажды у него на глазах. Тут я взбесился по-настоящему. “Ах ты, – говорю, – копченое свиное рыло! Напоил меня, обжулил в кости, а теперь еще и оскорбляешь! Я видел, как вздергивали черномазых даже не за такие смертные грехи!”

А он и говорит: “Ты жрешь мое мясо и хлещешь мою текилу, да еще называешь меня жуликом! Ни один настоящий белый себе бы такого не позволил. Или думаешь, на слабака напал?”

И тогда я отвечаю: “Ну, ты меня допек! Кажись, кое-кто сейчас получит по наглой черной роже!”

Он крикнул: “Это мы еще посмотрим!”, схватил нож, которым только что резал мясо, и бросился на меня. Я выхватил револьвер и всадил две пули ему в грудь. Он повалился на пол, а я встал, подошел и выстрелил еще раз – в голову.

И тут я услышал дикий вопль Изабель, которая целилась в меня из дробовика. Она вся дрожала, когда дергала спусковой крючок. Дробовик дал осечку, и я крикнул, чтобы она убиралась, не то пристрелю! А она кинулась на меня, размахивая ружьем, как дубиной. Я увернулся, но Изабель все-таки задела меня по щеке, и я тогда прицелился ей в грудь и нажал на спуск. Когда раздался выстрел, она сделала несколько шагов назад, а потом схватилась за грудь и рухнула. Сквозь пальцы текла кровь.

Я наклонился над ней, не выпуская револьвера из руки, и вдруг она открывает глаза и говорит: “Ты убил Джоэла и меня убил, но, клянусь Богом, ты это сделал себе на беду. Запомни: большая змея, черное болото и белый петух. Мое проклятие будет тебя преследовать. Мы еще встретимся. Я приду к тебе, когда пробьет час”.

Тут из ее рта вялыми толчками потекла кровь, голова откинулась, и я понял, что Изабель умерла. Я кинулся вон из лачуги, вскочил на коня и помчался прочь. Свидетелей не было. На другой день я солгал парням, будто налетел щекой на ветку, когда скакал на коне, и они поверили. Так бы никто и не узнал, что это я застрелил Джоэла и его жену, даже ты. Но что толку скрывать, если я твердо знаю: скоро мне само-

му конец?

Мы погнали стадо дальше, и всю дорогу мне казалось, будто гора легла на плечи. Мы еще не успели добраться до Ред-Ривер, а однажды утром в мой сапог заползла гремучая змея. После этого я всегда ложился спать не разуваясь. Позже, когда мы пересекали канадскую границу, стадо чего-то испугалось и бросилось бежать. Я погнался за ним, и мой конь провалился в болото. Я бы непременно утонул, не окажись случайно рядом Стива Кирби с лассо. Кое-как выбравшись, я тут же едва не погиб под копытами взбесившихся коров. Одна из этих тварей продырявила мне шляпу, но, слава Богу, голова уцелела. С тех пор ребята стали недобро коситься на меня и поговаривать, что я приношу несчастье.

Но все же канадскую границу мы перешли. Это было ясной тихой ночью. Я надеялся, что все неприятности позади, но тут один ковбой остановил коня и сказал нам, что из ближайшей рощицы доносятся какие-то странные звуки, и будто бы он даже видит в той стороне мерцающий синий свет. Может, ему и почудилось, но внезапно молодых быков охватила ярость, и они едва не подняли меня на рога. Их жуткие морды замелькали со всех сторон, и ничего не оставалось делать, как пришпорить коня и побить все рекорды скорости южного Техаса. Если бы не верный конь, я бы неминуемо пропал.

Мне удалось оторваться от разъяренных быков, и еще долго я кружил вдалеке от них, пока парням не удалось опять сбить их в стадо. Вот тогда-то и погиб Джо Ричардс. Быки

снова взбеленились без всякой видимой причины и понеслись прямо на меня. Мой конь дико захрапел и попятился, а затем рухнул на землю вместе со мной. Едва я вскочил на ноги, как перед самым носом увидел огромные рога.

Поблизости не было даже деревьев, за которыми я мог бы спрятаться, и я попытался выхватить из кобуры револьвер и сорвать с пояса топорик. Но пока я возился, Джо Ричардс накинул на быка лассо, и тут под ним тоже упала лошадь. Джо хотел выпрыгнуть из седла, но его нога застряла в стремях, и бык в ту же секунду проткнул его обоими рогами. Это было ужасное зрелище.

Я всадил в подлюю скотину несколько пуль, но бедолаге Джо это уже не помогло – он был разорван в клочья. Мы завернули его в пончо и похоронили под деревом, на котором Джон Элстон ножом вырезал его имя и дату смерти.

После этого парни перестали шутить, что я приношу беду. Они вообще перестали разговаривать со мной. Я тоже не пытался ни с кем из них завести беседу, хотя, видит Бог, не чувствовал за собой никакой вины.

И вот наконец мы добрались до Додж-Сити и продали скот. А прошлой ночью мне вдруг приснилась Изабель, да так явственно, будто я увидел ее среди бела дня. Она зловеще улыбнулась и что-то сказала – я ни слова не разобрал, – а потом сделала какой-то жест. И вот теперь я, кажется, догадываюсь, что это был за знак.

Билл, ты больше никогда меня не увидишь. Я покойник.

Не знаю, как будет выглядеть моя смерть, но уверен, что следующего восхода уже не встречу. Для того и пишу тебе, чтобы ты знал, что со мной случилось. Самому себе я кажусь слепцом, который всю жизнь брел, не зная пути.

Тем не менее я намерен встретить свою гибель лицом к лицу. Я никогда не сдавался, и пока я жив, этого не случится. Кто бы ни явился за мной, я с ним потягаюсь! Я не застегиваю кобуру, а револьвер чищу и смазываю каждый день. Билл, иногда мне кажется, что я схожу с ума, но это, наверное, оттого, что я все время думаю об Изабель. Я взял твою старую рубашку в черную и белую клетку, помнишь, ты купил ее в Сан-Антонио в прошлое Рождество. Уж не сердись, но я чищу ею револьвер так часто, что клеток уже не разглядишь. Рубашка стала почему-то красно-зеленой, как платье, которое было на Изабель в тот день, когда я ее убил.

Твой брат Джим.

ПОКАЗАНИЯ ДЖОНА ЭЛСТОНА, 4 ноября 1877 года

Меня зовут Джон Элстон. Я старший работник на ранчо мистера Дж. Дж. Конноли в округе Гонзалес, штат Техас. Я был старшим погонщиком при стаде, которое сопровождал Джим Гордон. У нас был с ним на двоих номер в гостинице. Утром 3 ноября Джим был угрюм и неразговорчив, и, вопреки обыкновению, не пошел со мной, сказав, что ему надо

написать письмо.

Я не видел его до самого вечера. Когда вошел в номер, он сидел у окна и чистил свой кольт 45-го калибра. Я засмеялся и в шутку спросил, не боится ли он Бэтта Мастерсона, и он ответил: “Джон, тот, кого я боюсь, не человек, но все же попытаюсь его застрелить”.

Мне это показалось смешным, и я стал допытываться, кого же он все-таки опасается, и тогда он сказал: “Цветной девушки, которая умерла четыре месяца назад”. Я подумал, что он пьян, и ушел. Не знаю, в котором это было часу, но дело шло к ночи. Больше живым я его не видел. Около полуночи я проходил мимо салуна Большого Шефа и услышал выстрел. Кто-то крикнул, что убили человека. Я вбежал в салун и бросился туда же, куда и все остальные, – в игорный зал. Дверь черного хода была распахнута, на пороге, ногами во двор, лежал человек. Он весь был залит кровью, но по телосложению и одежде я узнал Джима Гордона. Он был мертв. Я не видел, кто его убил, и больше ничего не могу добавить к вышеизложенному.

ПОКАЗАНИЯ МАЙКА О'ДОННЕЛЛА

Я, Майк Джозеф О'Доннелл, работаю барменом ночной смены в салуне Большого Шефа. За несколько минут до полуночи я заметил ковбоя, который разговаривал с Сэмом Граймсом у дверей салуна. Похоже было, что они спорили,

а через некоторое время ковбой вошел в салун и взял себе в баре виски. Я обратил на него внимание, потому что у него был револьвер, в то время как другие не носили оружия, и еще потому, что у него был дикий, безумный вид. Он выглядел пьяным, но я не думаю, что так было на самом деле. Похоже, парень был просто не в себе.

Больше я не смотрел в его сторону, потому что был занят в баре. Мне показалось, что он прошел в игорный зал, а через несколько минут я услышал выстрел. Затем прибежал Том Аллисон и крикнул, что убили человека. Я помчался туда и увидел, что мертвец лежит в дверях – тело в комнате, а ноги на улице. Я узнал ремень и кобуру и понял, что это тот самый парень, на которого я уже обращал внимание.

Его правая рука была почти оторвана и превратилась в кровавое месиво, а голова разбита, но мне никогда не приходилось видеть, чтобы револьверная пуля наносила такие увечья. Он был мертв, и я думаю, что смерть пришла мгновенно. В тот момент, когда мы его обступили, парень по имени Джон Элстон протиснулся сквозь толпу и воскликнул: “Господи, это же Джим Гордон!”

ПОКАЗАНИЯ ШЕРИФА ГРАЙМСА

Меня зовут Сэм Граймс, я шериф округа Форд, штат Канзас. Я встретился с покойным Джимом Гордоном у входа в салун Большого Шефа 3 ноября, примерно без двадцати

двенадцать. Я увидел на нем кобуру с револьвером, поэтому остановил его и спросил, почему он ходит с оружием, ведь это в нашем городе запрещено. Он ответил, что в целях самозащиты. Тогда я сказал, что защищать граждан – обязанность шерифа, отнесите револьвер в гостиницу и храните там до самого отъезда из города. По одежде я в нем узнал ковбоя из Техаса. Он засмеялся и сказал: “Шериф, никто не сможет защитить меня от моей судьбы!” С этими словами он повернулся и вошел в салун.

Я подумал, что он болен и немного не в себе, и решил его не трогать. Пускай выпьет, успокоится, и тогда я уговорю его расстаться с оружием. Я стал наблюдать за ним и обратил внимание, что он ни с кем в салуне не разговаривает и даже как будто никого не замечает. Он молча выпил виски в баре и пошел в игорный зал.

Несколько минут спустя в салун вбежал парень, крича, что кого-то убили. Я пошел прямо к черному ходу и увидел, как Майк О’Доннелл наклонился над человеком, в котором я узнал того самого ковбоя. По-видимому, револьвер взорвался в его руке. Не знаю, в кого он собирался стрелять. Я выглянул на улицу, однако поблизости никого не было, и никто не видел, как все произошло, за исключением Тома Эллисона. Я подобрал то, что осталось от револьвера, и отдал коронеру.

ПОКАЗАНИЯ ТОМА ЭЛЛИСОНА

Я, Томас Эллисон, погонщик, работаю на “МакФарлейна и компанию”. Ночью 3 ноября я был в салуне Большого Шефа. Когда туда пришел убитый, я не заметил, в салуне было очень много народу. Я выпил несколько порций виски, но не был пьян. Вскоре я заметил Гэллинса по прозвищу Гризли, охотника из Буффало, который появился на пороге салуна. У меня с ним плохие отношения, я считаю его негодяем. Он был пьян, и я не хотел, чтобы он меня заметил, поэтому я решил выйти из салуна через заднюю дверь.

Я вошел в игорный зал и увидел незнакомого человека, он сидел за столом, положив голову на руки. Я прошел мимо него к двери черного хода, которая была заперта изнутри. Я отодвинул засов, отворил дверь и уже собирался выйти, когда столкнулся с какой-то женщиной. Свет, падавший из комнаты на крыльцо, был тусклым, но я разглядел ее достаточно хорошо, чтобы с уверенностью сказать, что она негритянка, а вот как она была одета, я не заметил. Ее кожа была не совсем черная, скорее светло-коричневая, даже почти желтая. Так мне показалось при тусклом свете. Я немного удивился и остановился на пороге, и тут она произнесла: “Пойди скажи Джиму Гордону, что я пришла за ним”.

Я спросил: “Кто ты такая, черт побери, и кто такой Джим Гордон?”

Она ответила: “Это тот человек, который сидит в комнате за столом, скажи ему, что я пришла!”

Не знаю почему, но у меня вдруг мурашки пробежали по спине. Я повернулся к парню, сидевшему за столом, и спросил: “Это ты Джим Гордон?” Он поднял голову, и я увидел, что лицо у него бледное и измученное. Я сказал: “Кое-кто хочет тебя видеть”. Он спросил: “И кто же это?” Я ответил: “Цветная женщина, которая стоит за дверью”.

Тут он вскочил и отшвырнул стул. Я подумал, а не сумасшедший ли он, и на всякий случай отошел в сторону. Его глаза дико горели, и он со сдавленным воплем рванулся к двери. И тут мне показалось, будто я услышал смех в темноте. Он снова завопил, а потом выхватил револьвер и направил его на кого-то, кого я не видел. И тут вдруг полыхнуло, да так, что я ненадолго ослеп. Потом я увидел, что дверной проем окутан дымом. Когда дым немного рассеялся, парень лежал в дверях, весь залитый кровью. Его голова была пробита так, что вытекал мозг, а правая рука была как будто раздроблена. Я побежал в салун и крикнул бармену, что убили человека. Не знаю, собирался этот парень стрелять в женщину или нет, и стрелял ли кто-нибудь в него, но я слышал только один выстрел – когда взорвался револьвер.

РАПОРТ КОРОНЕРА

Я, коронер, в присутствии своих помощников и понятых

произвел опознание останков Джеймса А. Гордона из Антиохии, штат Техас, и пришел к заключению, что смерть наступила в результате несчастного случая. Револьвер, который покойный держал в руке, разорвался из-за того, что Гордон после чистки забыл извлечь ветошь из ствола. В оторванном стволе найдены обгоревшие клочки хлопчатобумажной ткани. С уверенностью можно сказать, что это обрывки красно-зеленого женского платья.

Подписи: Дж. С. Ордли, коронер, Ричард Донован, Эзра Блэйн, Джозеф Т. Декер, Джек Уилтшоу, Александр В. Вильямс.